

ОБЫКНОВЕННЫЙ НЕОБЫКНОВЕННЫЙ МАЛЬЧИК

Жил-был на свете, а если точнее, в столице Российской Федерации городе Москве, один мальчик, а если точнее, ученик шестого класса по прозвищу Ластик. И вот однажды, а если точнее, 29 сентября прошлого года, этот мальчик угодил в историю.

Точность здесь совершенно необходима, потому что без нее эта повесть будет восприниматься как сказка. А между тем, все описываемые в ней события произошли на самом деле. И, может быть, даже не один раз.

Мальчик, о котором пойдет речь, на первый взгляд был самый обыкновенный. Именно что «на первый взгляд», ведь обыкновенных людей на свете, как известно, не бывает. Всякий человек кажется обыкновенным, только если к нему не присматриваться. А присмотришься как следует — обязательно скажешь: ничего себе «обыкновенный».

Вот и Ластик, если бы кто-нибудь из одноклассников вздумал к нему как следует приглядеться, оказался бы очень даже необыкновенным. Просто никому из его одноклассников это в

голову не приходило. Во-первых, Ластик был в классе самым маленьким по росту. Во-вторых, на зубах у него были металлические брэкеты. В-третьих, он плохо успевал по математике, а школа, в которой он учился, называлась «Лицей с естественно-математическим уклоном». Главное же, Ластик пришел в класс самым последним, когда все давно успели подружиться, и новый друг, да еще такого маленького роста и с кривыми зубами, был уже никому не нужен.

В оправдание Ластика можно сказать, что он просто еще не успел как следует вырасти — родители отдали его в школу на год раньше положенного возраста. Так что если сравнивать его с пятиклассниками, он получился бы не очень-то и маленький, а вполне среднего роста. И по математическим дисциплинам он плелся в хвосте не из-за тупости, а потому что до позапрошлого года учился совсем в другом лицее, где уклон был, наоборот, историко-литературный. Это мама захотела, чтобы Ластик обучался точным наукам, потому что будущее за ними, а математика — настоящая мужская профессия. Папа пробовал спорить, говорил, что он вот гуманитарий и ничего, но с мамой долго не поспоришь. Она сказала: «Вот именно. Хочешь, чтоб из твоего сына тоже получилось ничего?»

И поэтому, когда семья переехала на улицу Солянку, Ластика отдали в новый лицей. А его

сестру Гелю оставили в прежнем, ведь она девочка и ей настоящая мужская профессия ни к чему. Девочкам, как замечал Ластик, на свете вообще живется гораздо легче.

Теперь пора объяснить про кличку «Ластик». Она возникла не из-за того, что наш герой был маленький. И не из-за того, что он был какой-нибудь квадратный или, там, очень упругий, а из-за имени.

Оно уж точно было необыкновенное: Эраст. По-домашнему Эрастик. Когда он пришел в новую школу, все, конечно, спросили: как тебя зовут. А у него тогда еще не было передних зубов (они попозже выросли, хоть, как уже говорилось, и не совсем прямо), вот и получилось «Эластик». Все засмеялись, закричали «ластик, ластик-лобастик». С тех пор он и превратился в Ластика. Его теперь даже дома так называли. Мама говорила, что это хорошее, *ласковое* прозвище. Только папа продолжал звать сына «Эрастом». Он хотел, чтобы сын, когда вырастет, сделался похож на своего знаменитого прадеда Эраста Петровича Фандорина, портрет которого висел в папином кабинете на самом почетном месте.

Прадедушка у Ластика был великий сыщик, про которого писали книжки и даже снимали кино. Он смотрел с картины на правнука прищуренным взглядом, будто хотел ему сообщить нечто очень важное, но знал, что пока еще рано, на-

до подождать. Эраст Петрович был очень красивый: в мундире с золотыми нашивками, с тонкими черными усиками, с элегантной проседью на висках. Ластик твердо знал, что никогда таким не станет, но папе об этом не говорил – не хотел расстраивать.

Хорошо было сестре Гельке. От нее никто не ждал, что она вырастет и станет героем. И геометрия с алгеброй не портили ей кровь шесть раз в неделю. Она жила, как сыр в масле каталась. Мужских качеств мама в ней не воспитывала, волю закалять не требовала. А папа, тот вообще ее только по головке гладил и называл своей красавицей.

Преимущество перед счастливицей-сестрой у шестиклассника Фандорина было только одно: по утрам ее будили на полчаса раньше, потому что до старого лица после переезда ехать было далеко, и папа отвозил туда Гелю на машине.

Гелька, конечно, нарочно топала ногами и громко разговаривала, но Ластик накрывал голову подушкой, и в эти полчаса ему спалось слаще всего.

Так было и сегодня, 29 сентября.

Завтракал он вдвоем с мамой, потому что мама работала газетным редактором и могла приезжать на работу, когда захочет.

Этот день, наверное, самый важный в истории человечества, начался обыкновенно. Ластик пил

Борис Акунин

чай, мама ему говорила: «Ешь, не лови ворон», «Не стучи ложкой», «Не сутулься».

Потом, как всегда, сказала: «Не смей есть в школьном буфете эти ужасные сосиски» — и дала сверток с полезными и питательными бутербродами (нежирная колбаса, заменитель масла, листья салата).

В прихожей Ластик по привычке оскалил перед зеркалом свои хромкобальтовые брэкеты — проверил, не стали ли зубы хоть чуть-чуть прямее. В последнее время, из-за некой особы с соседней парты, этот вопрос приобрел особую актуальность. Потом надел красную спортивную куртку, взял портфель и сбежал по лестнице во двор.

Тут обыкновенность раз и навсегда закончилась. В течение какой-нибудь четверти часа с Ластиком случилось сначала два совершенно непонятных происшествия, а после еще три, хоть и не загадочных, но очень странных.

СНАЧАЛА ДВА СОВЕРШЕННО НЕПОНЯТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЯ

Ну, первое происшествие, может, было никаким не происшествием, а так, померещилось. Однако во имя уже упомянутой точности умолчать о нем было бы неправильно.

Стало быть, выбежал Ластик из подъезда во двор своего дома...

Нет, сначала нужно рассказать про дом и про двор, а то будет непонятно.

Дом, куда в позапрошлом году переехала семья Фандориных, был в своем роде замечательный. Почти сто лет назад его построило «Варваринское товарищество домовладельцев» на старинной улице Солянке. Это был, собственно, не дом, а целый комплекс зданий, соединенных в сложную геометрическую фигуру, с несколькими внутренними дворами, многочисленными арками, подворотнями и глубоченными подвалами. Хоть Ластик жил здесь уже почти два года, но так эту громаду толком и не исследовал. Полазил по чердакам, побегал по лестницам с ажурными перилами, а до подвалов, например, так и не доб-

рался. Правда, попасть в них было трудновато, даже совсем невозможно. Въезд в подвал (да-да, не вход, а самый настоящий въезд — такой он был высокий и широкий) закрывала решетка. Папа рассказывал, что сто лет назад в Варваринских погребах находились торговые склады, после революции — тюрьма, потом автобаза, но вот уже много лет подземелье пустует, потому что ему никак не могут придумать полезного применения.

Папа у Ластика очень любил историю и про то, что было раньше, знал почти всё. Про то, что происходит сегодня, он знал гораздо меньше — во всяком случае, так утверждала мама. Поэтому у него и бизнес не клеился.

В соседнем подъезде, на пятом этаже, располагался офис папиной фирмы. Вся фирма — два человека: сам папа и секретарша. Сидят, с утра до вечера в компьютер играют, потому что клиентов нет. А ведь именно из-за папиной работы Фандорины и переехали сюда, на Солянку. И потом, папа говорил, что это самое лучшее место во всей Москве — вокруг сплошные достопримечательности и нераскрытые исторические тайны.

Ну так вот.

Выбежал Ластик из подъезда во двор своего замечательного дома, по привычке повертел головой влево-вправо. Слева за решеткой чернел квадратной пастью уже упомянутый въезд в подвалы, справа серела подворотня, тоже квадратная.

И там, в подворотне, Ластик вдруг увидел силуэт, показавшийся ему очень знакомым. Какой-то мальчик стоял там, в густой тени, и, прислонившись к стене, смотрел в эту сторону.

Так ведь это я, это мое отражение, понял вдруг Ластик. Вон и куртка красного цвета!

Но какое в подворотне может быть отражение? Там ни зеркала, ни витрины, ничего.

Ластик зажмурился, потому что если зажмуриться, а после разожмуриться обратно, видно гораздо лучше.

Но когда он снова открыл глаза, двойник исчез. Осталась одна пустая подворотня.

Это называется «зрительная галлюцинация», сказал себе Ластик — когда видишь то, чего на самом деле нет. И обрадовался, потому что галлюцинаций у него отродясь не бывало.

Он решил, что поразмыслит над загадочным явлением после, во время урока, а сейчас некогда — в школу опоздаешь.

Но к подворотне двинулся осторожно, пытаясь сообразить, как мог возникнуть подобный оптический обман. Встал прямо напротив прохода. Потом попятился назад, к запертой решетке. Присел на корточки. Галлюцинации больше не увидел.

Зато кое-что услышал.

Тихий, но вполне явственный голос откуда-то позвал:

— Эраст! Эра-аст! Сюда!

Сначала Ластик, конечно, задрал голову и посмотрел вверх, на окна папиного офиса (окна их квартиры во двор не выходили). Но там, на пятом этаже, были опущены жалюзи. Да и голос раздавался явно не сверху, а скорее снизу и при этом сзади.

— Эраст! Эра-аст! Сюда! — послышалось вновь.

Из-за решетки, из черного зева подвала — вот откуда звал Ластика странный, придушенный голос.

«А это уже слуховая галлюцинация», подумал шестиклассник, подошел к самой решетке и стал смотреть в широкое жерло подвала — папа говорил, что когда-то туда въезжали огромные повозки с бочками и тюками.

Погреба раскинулись на тысячи квадратных метров, подо всем многоподъездным комплексом. Там имелись залы, галереи, большие и маленькие комнаты — так рассказывал папа, а уж он-то знает. Не раз Ластик стоял здесь, у входа в подземелье, воображая, сколько всего чудесного и страшного должно таиться в этом лабиринте. Но попасть вниз было невозможно: на двери висел крепкий замок — специально для того, чтобы внутрь не лазили дети.

— Эраст, Эраст, сюда! — вдруг услышал Ластик, и так отчетливо, что это никак не могло быть галлюцинацией.

Что за фокусы?

Он прижался к железным прутьям, и дверь вдруг подалась под тяжестью его тела. Испугавшись, он отпрыгнул назад. Опустил глаза — и увидел, что замка нет! Створка слегка покачивалась, будто приглашая распахнуть ее и войти.

Ластиком овладели два противоположных чувства. Первое щекотало грудь изнутри, стискивало сердце и подначивало: «Иди, иди туда, другого такого случая не будет!» Второе же рассыпало по спине ледяные мурашки и пискнуло: «Не вздумай! Что еще за голос такой? Беги, пока цел!»

Оглянувшись, нет ли кого во дворе, Ластик проскользнул за решетку и прикрыл за собой дверь.

— Эраст, Эраст, сюда! — позвала темнота. Было страшно, но и любопытно.

Он пробежал по покатою асфальтовому спуску и, оказавшись под сводом погреба, остановился.

Свет с улицы проникал вглубь подвала метров на десять, дальше же было совсем темно.

Ластик заколебался. Не хватало еще опоздать на первый урок. С преподавателем геометрии Михал Михальчем шутки плохи.

Он уж совсем собрался повернуть назад, но тут услышал опять, теперь совсем близко:

— Эраст, Эраст, сюда!